

ФОРМАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ ГЕОРГА ЗИММЕЛЯ

150 лет назад, 1 марта 1858 года, родился Георг Зиммель (1858-1918) – немецкий философ культуры и социолог, теоретик искусства и этик, социальный психолог и политэконом. Он оказал непосредственное и глубокое влияние на развитие американской социологической мысли. В частности, его труды способствовали формированию центра американской социологии – Чикагского университета и его главной теории – символического интеракционизма.

Родился Георг Зиммель в Берлине. Окончил классическую гимназию и поступил в Берлинский университет. Получил докторскую степень по философии за диссертацию о Канте. Стал профессором университетов в Берлине и Страсбурге. В университетах он читал логику, историю философии, метафизику, этику, философию религии, философию искусства, социальную психологию, социологию и спецкурсы по Канту, Шопенгауэру и Дарвину. Междисциплинарный характер лекций Зиммеля привлекал к себе внимание не только студентов, но и представителей интеллектуальной элиты Берлина.

Ранний период отмечен влиянием Г. Спенсера и Ч. Дарвина. Зиммель пишет очерк «Дарвинизм и теория познания», в котором дает биологически-утилитаристское обоснование этики и теории познания; применяет принцип дифференциации, характерный для спенсеровского эволюционизма, в качестве универсального средства при анализе развития в любой сфере природы, общества и культуры.

Затем Зиммель стал искать априорные формы социального познания, опираясь на философию И. Канта. В центре его внимания на неокантианском этапе духовного развития – ценности и культура, относимые к сфере, лежащей по ту сторону природной каузальности. Тогда-то родилась «формальная социология», которая призвана исследовать не содержание отдельных социальных феноменов, а социальные формы, присущие всем социальным явлениям. Деятельность гуманитариев понимается им как «трансцендентальное формотворчество». Источник творчества – личность с ее априорно заданным способом видения. В этот период Зиммелем написаны многочисленные работы о Канте, создан труд по философии истории.

В дальнейшем Зиммель становится одним из наиболее значительных представите-

лей поздней «философии жизни». Он пишет работу «Философия денег», в которой делает попытку культурологической интерпретации понятия «отчуждение». В соответствии с формами видения возникают различные «миры» культуры»: религия, философия, наука, искусство – каждый со своеобразной внутренней организацией, собственной уникальной логикой. Для философии, например, характерно постижение мира в его целостности. Целостность философ усматривает через каждую конкретную вещь, причем этот способ видения не может быть ни подтвержден, ни опровергнут наукой. Зиммель говорит в этой связи о различных «дистанциях познания». Различие дистанций определяет различие образов мира. Индивид всегда живет в нескольких мирах, и в этом источник его внутренних конфликтов, имеющих глубинные основания в «жизни». Сложная идейная эволюция, широта и разбросанность интересов, эссеистский стиль большинства работ затрудняют адекватное понимание и оценку творчества Георга Зиммеля. И, тем не менее, можно выделить общую тему его творчества – взаимодействие общества, человека и культуры. Общество рассматривалось им как совокупность форм и систем взаимодействия; человек – как «общественный атом», а культура – как совокупность объективированных форм человеческого сознания. Общим для творчества было и «представление о предмете, методе и задачах социологической науки» [И. С. 104].

Зиммель написал около 200 статей и более 30 книг. Назовем некоторые. «Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования» (1890), «Проблемы философии истории» (1892), «Введение в этику» в двух томах (1893), «Философия денег» (1900), «Религия» (1906), «Социология. Исследование форм обобществле-

ния» (1908), «Философия культуры» (1911), «Гёте» (1913), «Рембрандт» (1916), «Фундаментальные вопросы социологии» (1917), «Конфликт современной культуры» (1918).

К числу достоинств Г. Зиммеля относят разработку «понимающей социологии», микросоциологии, конфликтологии, персонологии, теории коммуникации, обоснование идеи множественности культурных миров. Он схватил и выразил основные тенденции наступающей эпохи: обогащение общечеловеческой «объективной культуры», освобождение индивида от корпоративных связей, размывание единой самоидентичности на множество самостоятельных «я».

Самое глубокое понятие – «жизнь». Она иррациональна, самодостаточна, способна мобилизовать и преобразовать любые природные объекты. Только через нее может актуализироваться дух. Жизнь – это непрерывный поток бытия. В ее стремительном напоре различаются действительность и долженствование. Жизнь стремится к должному, идеальному, к тому, что выше, значительней её самой. В каждый данный момент духовное содержание жизни противостоит ей как долг, идеал, ценность, значение. Достигнув их, жизнь сбрасывает с себя материальные, социальные и духовные оболочки, формы, которые служили ступенями к свободе, и утверждается в чистой духовности. Общество и культура оказываются тем самым продуктами и инструментами жизни, а животная витальность и дух – ее низшей и высшей сущностями.

«Жизнь» понимается Зиммелем как процесс творческого становления, не исчерпываемый рациональными средствами и постигаемый только интуитивно, во внутреннем переживании. Внимание Зиммеля к индивидуальным формам реализации жизни, неповторимым историческим образцам культуры нашло свое выражение в монографиях об И.В. Гёте, Рембрандте, И. Канте, А. Шопенгауэре, Ф. Ницше, Родене. «Художественное видение» было для Зиммеля не просто предметом теоретической рефлексии, а в значительной мере способом его восприятия социальной реальности. Он считал, что эстетическое отношение к действительности способно дать целостный, самодостаточный

образ мира. Такой подход позволял выявить тесную связь эстетики и социологии.

Круг его социологических интересов весьма широк: власть и насилие; социальная дифференциация; отчуждение; взаимоотношение общества и индивида; социология культуры, города, семьи и пола; социология конфликта; социология религии; природа моды. В работах по социологии Зиммель выступает основоположником формальной социологии. Оригинальное для своего времени представление о предмете, методе и задачах социологической науки вылилось в теорию социального взаимодействия. Социальное взаимодействие предполагает единство взаимодействующих индивидов (его форму). Главный объект социологического исследования – социация, взаимодействие индивидов и его формы. Выявление «чистых форм социации» явилось основным в социологическом методе Г. Зиммеля.

Зиммель не искал «клеточку» социального процесса. Он исходил из качественно особых стихий и сил, из которых складывается общественный процесс. К таким силам он относил благодарность и вражду, любовь и моду, конкурентность и новизну. Эти силы взаимодействуют друг с другом и «распадаются» на «форму» и «содержание». Форма – безлична, универсальна, инертна. Содержание – лично, конкретно, жизненно. Формы – это церковь, государство, наука. Они втягивают в себя любовь, жадность, конкурентность, наделяя их особым символическим смыслом. Затем, при своем разложении, социальные формы передают накопленную энергию новым формам, которые осмысливают эти силы и будут символизировать их по-другому. Так из богословских споров рождается научная полемика, из протестантской озабоченности и тревоги – страсть к деньгам и накоплению, из монастырского послушания – светское образование.

Ученый подразделял социологию на три части – общая социология, формальная социология и философская социология.

Общая социология, по Зиммелю, занимается изучением уже устоявшихся аспектов общественной жизни. К проблемам такого рода можно отнести изучение «законов» и

«ритмов» общественного развития, закономерностей социальной дифференциации. Во всех этих случаях общественная жизнь рассматривается как нечто уже существующее.

Общество рассматривается как результат взаимодействия между людьми. Взаимодействие практически всегда складывается вследствие определенных влечений и ради определенных целей. Множество разного рода мотивов побуждают человека к деятельности для другого, с другим, против другого, к сочетанию и согласованию внутренних состояний. Поэтому основная задача социологии – выделение и описание многообразных форм взаимодействий, поскольку в процессе их «обобществления» рождается общество. Обобществление есть в бесчисленном количестве способов реализующаяся форма, в которой все индивиды на основе разнообразных мотивов создают особое единство, внутри которого эти мотивы и интересы находят своё воплощение

Следует отметить, что влечения, интересы, цели, то, из чего формируется воздействие на других людей, – материя обобществления – еще не социальна. Голод, труд, религиозность, техника и результаты деятельности разума не есть непосредственно общественное. Они становятся таковыми тогда, когда преобразуют изолированное существование индивидов в формы совместного существования. Зиммель замечает, что возникающие формы взаимодействия могут оказаться оторванными от реальной жизни, могут «играть» себя и ради себя, создавая материя, которая в таком случае будет служить средством их самореализации. Так первоначально познание служило средством борьбы за существование и было важно для развития жизни. Затем, когда возникла наука, познание оторвалось от практических целей, стало ценностью в себе. Наука начала заниматься лишь теми вопросами, которые приносят познанию самоудовлетворение. То же произошло и с правом.

Цель социологического изучения – вычленение из разных наук об обществе особого ряда фактов, а именно – форм обобществления. В этом смысле социология подобна грамматике, которая отделяет чистые фор-

мы языка от содержания, в котором живы эти формы. За выявлением форм должны следовать их упорядочение и систематизация, психологическое обоснование в историческом изменении и развитии. Формы обобществления Зиммель называет культурными формами. Самая важная из классификаций культурных форм – классификация по степени их отдаленности от непосредственности переживания, от «потока жизни». Ближе всего к жизни спонтанные формы, такие, как обмен, дарение, подражание, формы поведения толпы. Несколько более отдалены от жизненных содержаний экономические и прочие организации. Наибольшую дистанцию от непосредственности жизни сохраняют формы, названные Зиммелем чистыми или «игровыми». Они чисты, потому что содержание, когда-то наполнявшее их, исчезло. Это такие формы, как «старый режим», т. е. политическая форма, пережившая свое время и не отвечающая запросам участвующих в ней индивидов, «наука для науки» – знание, оторванное от потребностей общества, «искусство для искусства», «кокетство» – лишенное остроты и непосредственности любовное переживание.

Казалось бы, взаимодействие возможно только между двумя и более людьми, но это не совсем так. Определенные формы обобществления возможны и для одного человека. Это – одиночество и свобода. Одиночество означает, что человек исключен из социального взаимодействия, то есть его одиночество является результатом обобществления, но результатом негативным. Два человека представляют собой более простой случай. Самое главное в таком взаимодействии – индивидуальность каждого человека в отдельности, которая и определяет характер взаимоотношений. Группа из трех человек еще больше усложняет такую систему взаимодействия. Третий может стать сторонним наблюдателем, посредником либо, наоборот, катализатором отношений между другими двумя. Начиная с группы в три человека, можно говорить об обобществлении в полном смысле этого понятия. Третье лицо, стоящее ниже по уровню развития, чем два другие, может, тем не менее, возглавить груп-

пу, представляя группу в обществе. Более важно, что двое из членов триады могут объединиться и доминировать над третьим членом. Триада демонстрирует в маленьком масштабе то, что может случиться с появлением крупных структур, которые отделятся от индивидов и станут господствовать над ними. Так денежная экономика становится изолированной от индивидов, так культура в целом начинает господствовать над индивидом. Ценность индивида при этом снижается. Например, трудящийся сможет осуществлять лишь незначительный контроль при столкновении с промышленной машиной.

Чем больше группа, тем меньшую роль играют в ней интеллект и моральность и тем больше значение властных, коммуникативных качеств, а также внешнего облика личности. Многочисленной группой легче управлять одному лицу. Поэтому большие страны тяготеют к монархии, а малые – к демократии.

На смену родоплеменному сознанию приходит рационализация. Это не абсолютный разум просветителей. Рационализация представлена множеством разномыслящих умов. Она не оформляется в строго логический дискурс, а включает в себя противоречия, непроясненные, иррациональные моменты. Это не «воля к власти», как полагал Ницше. Скорее, это воля к служению, жертве, согласованию средств и целей, отысканию практической выгоды. Однако непредвиденные, неуправляемые компоненты, насколько возможно, вытесняются из социальной рациональности. Так, например, происходит в армейской системе соподчинения. Но так же, как нельзя все общество превратить в казарму, так и никакая конкретная рациональность не может охватить всего общества. Такие попытки наталкиваются на мощное сопротивление «первичных» стихий. Чем тоталитарней система, тем больше вероятность оппозиции, раскола, гражданской войны. Наиболее успешны и эффективны общества, в которых сохраняется известная степень свободы за всеми социальными силами. Рациональность – инструмент управления. Ее обязаны поддерживать политики и интеллигенция, вся властвующая элита.

Благоприятные отношения между взаимодействующими людьми описываются посредством понятия «сплоченности». Наивысшая степень сплоченности – любовь, когда люди практически растворяются друг в друге. С другой стороны, сплоченности противостоит господство и подчинение. Это тоже своего рода взаимодействие, потому что заинтересованность одного в реализации своей воли может предполагать наличие заинтересованности других в выполнении этой воли.

В отличие от Э. Дюркгейма Зиммель не считал солидарность – основополагающим принципом общественной жизни. Он находил процесс обобществления даже там, где, казалось бы, происходит разъединение и распад взаимодействия между людьми, – в спорах, в конкуренции, во вражде, в конфликтах. Этот акцент на антагонистических аспектах взаимодействия между людьми лег в основу нового научного направления – социологии конфликта.

В работе «Конфликт современной культуры» (1918) Г. Зиммель проанализировал связи философии жизни с историческими условиями нового времени. Для классического греческого мира центральной была идея Единого, субстанционального Бытия, воплощенного в пластических формах. На ее место Средневековье поставило Бога, в котором видели Истину, Причину и Цель всего существующего и который отличался от языческих богов своей интимной связью с душой человека, освещал его внутренний мир, требовал свободного повиновения и преданности. С эпохи Возрождения высшее место в духовном мире стало занимать понятие «Природа». Лишь к концу XVIII века в немецкой философии вводится понятие «личного «Я» и бытия как его творческого представления. XIX век создал понятие «Общество». Основанные на этом понятии социальные движения охватывали лишь небольшую часть интеллектуальной и политической элиты. Социалистическое требование «растворения личности» в обществе, как и противоположный ему либеральный принцип «прав человека», так и остались в основном фикциями. В начале XX века на центральное место выдвинулось понятие «жиз-

ни». Источник этого понятия – тот конфликт, который охватил всю современную культуру. «Жажда новых форм разрушила старье» [2. С. 383] – в экономике, в искусстве, в философии и религии. Причем это разрушение продолжается и происходит с непостижимой быстротой и решительностью.

Если «экономические силы» эпохи творят соответствующие им формы производства, то «жизнь» разрушает эти формы, чтобы создать новые. Воплощения «жизни» в традиционных художественных формах заменяются модернистским разрушением всякой художественной формы. В теории познания объективность истины подразумевает автономный, чуждый «жизни» идеальный «мир истин». Современная философия, основанная на «жизни», разрушает эту предпосылку познания. В этике «эротическая жизнь» разрушает все устоявшиеся формы отношений между мужчиной и женщиной. И даже в религии нарастает мистическая тенденция, разрушающая все до сих пор существующие религиозные формы. Причину всех этих изменений Зиммель видит в проявлениях «жизненной стихии», в «плодовитости жизни».

Тем самым само понятие «жизнь» служит средством выразительного описания неукротимого динамизма социальных явлений. Для Зиммеля жизнь – это «факты воли, побуждения и чувства», непосредственно данные нам в качестве «переживаний». Действительность – это то, что «содержится в опыте самой жизни». Зиммель отмечает, что философия жизни перерастает требования любой конкретной идеи, формы, социальной группы. Его вывод: современная эпоха характеризуется борьбой жизни против всяких форм. Бесформенная жизнь утрачивает целесообразность, становится бессмысленной и хаотичной. В этом состоит глубинная причина кризиса современной культуры. Зиммель предлагает создать культуру, которая будет всегда и для всех духовно-содержательным, лично значимым формотворческим процессом.

Зиммель исходит из глубокой противоположности методов естествознания и истории. Помимо истории, утверждает Зиммель, существует философия истории, которая за-

нимается разысканием «исторических законов». Парадоксальность этой ситуации состоит в том, что ни одна другая наука не предоставляет установление своих законов философии, а разыскивает их сама. Все дело здесь в характере законов истории: неизбежное незнание полноты комплекса всех составных частей исторического события превращает исторический закон в закон индивидуальный. Такая трактовка «закона» приводит Зиммеля к тому, что по существу закон заменяется идеей «судьбы». Тем самым Зиммель редуцирует общественные явления к «жизненному чувству индивидов», к «сцеплению их судеб». Таким образом, социальный процесс оказывается у Зиммеля осуществлением душевных сил и импульсов, «творением» исторического мира «душою».

Развитие общества Зиммель рассматривал как функциональную дифференциацию, сопровождаемую одновременной интеграцией различных его элементов. Возникновение интеллекта и появление денег знаменуют вступление общества в «исторический период». Тем самым история общества есть нарастающая интеллектуализация социальной жизни и одновременно – усиление влияния принципов денежного хозяйства. Действие этих двух важнейших «форм социации» ведет к всеобщему отчуждению, которое сопровождается ростом индивидуальной свободы. Современное социально-культурное развитие Зиммель рассматривает как постоянное усиление разрыва между формами и содержаниями в общественном процессе, постоянное и нарастающее опустошение культурных форм, сопровождающееся индивидуализацией человека и увеличением человеческой свободы.

Интеллект и деньги образуют сущностное ядро современной культуры. Именно они дифференцируют и интегрируют различные элементы социокультурного космоса – от экономических отношений до способов выражения эмоциональных состояний. Интеллектуализация общества и развитие денежного хозяйства символизируют рост жизненного содержания, превращаются в театр, маски. Реальные схватки становятся игрой, спортом. Любовь, оторванная от непосред-

ственных жизненных импульсов, принимает форму кокетства.

Родина денег – городской социум с его анонимными рыночными связями, жизненно важными не только для товарного обмена, но и для духовного взаимодействия. В деньгах объединяются усилия и мысли миллионов людей. Обращение денег подобно обращению знаний. Деньги есть чистая функция, средство обмена – чего угодно на что угодно. И, тем не менее, деньги это – стихия независимая от воли и разума людей. Она может «разбушеваться», и тогда банки, президенты и государства утрачивают над ней контроль. Сила денег вытеснила из сферы труда и управления такие инструменты, как рабство, прямое насилие, личную зависимость. Вместе с тем она вытеснила также мораль, честь, достоинство и веру в добро. Деньги – фетиш, орудие Сатаны. Не случайно Маркс требовал отмены денег в коммунистическом обществе.

Деньги освобождают индивида от опеки семьи, общины, церкви, корпорации. В них человек находит осуществление великого идеала Личной Свободы. Однако освобождающая функция денег с необходимостью сопровождается разрушительной функцией. Деньги разрушают родственные, родоплеменные отношения, модернизируют традиционные общества и уничтожают малые культуры. Деньги способствуют формированию групп на основе общих целей, безотносительно к социальной полезности, моральности этих целей. Отсюда и организованная преступность и публичные дома. Это приводит к исчезновению глубины душевного переживания и к понижению общего уровня эмоциональной жизни. «В денежных делах все люди равноценны», – отмечает Зиммель. Отсюда следует вывод, что ни один человек сегодня не обладает ценностью, а только деньги.

Вместе с тем человек многому научается и становится внутренне свободнее. Поэтому через денежное обращение пролегает путь к самореализации и осознанию каждым индивидом своего признания. В деньгах материализуется вечная мечта человека с помощью символа обладать властью над миром и собственной судьбой. Из всех предметов обла-

дания деньги кажутся наиболее «послушными». Но операции с большими деньгами – рискованны. Деньги скрепляют разнородные элементы социума, конкурируя в этом отношении с идеологией, религией, этикой. Деньги подтверждают представление о символическом характере культуры. Они являются инструментом, но легко превращаются в самоцель, низводя подлинные ценности до уровня средств. С помощью денег можно построить любую форму государственности. Альтернативой денежному фетишизму не может быть социализм, а лишь новая подлинная духовность. Деньги – энергоноситель культуры. Они позволяют преобразовать социальный хаос в порядок. Однако какова цена вопроса? В процессе всеобщего отчуждения люди теряют качества своей самости, переходят в одномерность. Символом человеческих отношений становится проституция. Зиммель утверждает, что природа проституции и природа денег аналогичны. Вещность вытеснила сердечное движение. Рациональности и деньгам противостоят и одновременно поддерживают их – многочисленные иррациональные силы самой жизни: страсти, властолюбие, любовь и вражда. Опустошение фундаментальных форм социальной жизни превратило их в самодовлеющие игровые формы.

Из зиммелевского анализа вражды выросла современная конфликтология. Широкие масштабы вражды в виде больших и малых войн, классовой и религиозной ненависти, межнациональных конфликтов – очевидны. Зиммель замечает, что вражда поддается объяснению и регулированию. Она может быть сведена к минимуму, введена в культурные формы, рационализирована в виде экономической конкуренции, научной дискуссии и спора, но не может быть полностью искоренена. Вражда присутствует в экономике, политике, религии, семейных отношениях и даже в любви. Вражда между людьми естественна. Душа человека имеет потребность любить и ненавидеть, замечает Зиммель в статье «Человек как враг».

Взаимоотношения примитивных групп почти всегда – враждебны. Греческие города постоянно воевали друг с другом, как и

индийские племена, и русские княжества. Традиции живы. Никакие трактаты «О вечном мире» не остановили человечество, которое опять скатывается к решению вопросов с помощью силы.

Для возникновения вражды достаточно мелкого повода, для любви необходима работа души. Бывает, что вражда – прелюдия к страстной любви. Но для большинства людей, находящихся в близких отношениях, характерны неосознанная зависимость, недоговоренность, желание господствовать. Чтобы ограничить деструктивные тенденции, приходится поддерживать некоторую оптимальную дистанцию.

Вражда выступает как защитный механизм. Мы враждебны к тем, кто нас унижает, заставляет усомниться в нашей ценности и достоинстве. Вражда помогает быстрее отказываться от устаревших традиций. Конфликт служит сигналом к началу перемен и даже сближению. Зиммель считает конфликт конструктивным механизмом социальной жизни. В отличие от Маркса, который стремился к тому, чтобы классы осознали антагонизм и начали войну, революцию, Зиммель считает, что чем больше мы подходим к осознанию конфликта, тем легче можем преодолеть его путем компромисса.

Чередование культурных форм лишено целесообразности. Оно не представляет собой картину прогресса или регресса. Возрастание ценностного содержания жизни не есть, следовательно, развитие и углубление какой-либо культурной логики. Оно представляет собой лишь количественный рост культурно оформленного материала жизни. Поэтому рост культуры есть, собственно, не прогресс культуры, а процесс релятивизации культурных ценностей. Этот процесс мог бы быть остановлен лишь в том случае, если бы жизнь сумела проявить себя в голой непосредственности, вне всяких форм. Противоречие жизни и культуры не может быть примирено: жизнь не способна выразить себя вне культуры, а культура не в силах дать жизни адекватное ей выражение. Культурные формы неизбежно рано или поздно «затвердевают», «кристаллизуются», «объективируются», переставая служить адекватным выра-

жением жизни, становясь тормозом на пути саморазвития и самореализации жизни. В этом – неразрешимая «трагедия культуры», ее отчуждение от непосредственного индивидуального существования.

Конфликт жизни и культуры – конфликт неразрешимый, не ведущий к развитию. Все большее расхождение жизненных содержаний и культурных форм ведет к гибели культуры, не способной вмещать изменяющееся содержание жизни. Такова неизбежная судьба любой культуры.

Главное противоречие заключается в том, что чем более формализуются социальные и культурные образования, тем более отчужденным от них оказывается индивид как таковой, воплощающий в своем творческом «душевном» существовании глубинные тенденции самой жизни. Отчуждение оказывается равнозначным свободе. Единственным регулятором морального поведения становится индивидуальный закон – уникально-личностное априори, определяющее жизнь и поведение индивида. Односторонность своей формальной социологии Зиммель стремился восполнить «теорией понимания». Понимание рассматривалось как философская методология познания. Понимание требовало выяснения того, каким образом связано исследуемое явление с интересами самого исследователя. Такой подход позволял открыть смысл исторического действия, отказаться от позитивистской ориентации на естественнонаучную методологию, учитывать роль субъективных компонентов в познании. Можно утверждать, что Зиммель искал недостающее звено между формальной социологией и социальной философией.

Он говорил, что понимание формы, социального феномена, достигается в процессе критики, сомнений, проблематизации темы таким способом, который понятен современникам. Даже отдаленные события древности подлежат «понимающей интерпретации». Такой подход требовал от социолога выявления и описания собственных ценностей, поскольку они влияют на выбор предмета и методов изучения. Культуру можно осознать лишь на основе полноценного личностного опыта жизни.

Однако обогащение объективной культурой приводит к тому, что степень участия в ней каждого индивида уменьшается. Все труднее становится понять целостность культуры и то, каким образом можно ею управлять. Даже развитие науки не столько обнадеживает, сколько тревожит. Мы получаем все больше знаний, но все меньше можем эффективно воздействовать на общество. Оказывается, что лишь в самых примитивных формах наука и техника подчиняются разумному контролю. В развитых формах они подчиняют себе человека. Выводами из культурофилософской концепции для Зиммеля становятся пессимизм и глубокий индивидуализм. Отчаяние от неудавшейся жизни породило внутренний разлад.

Пессимизм относится и к религии. С тех пор как религиозные импульсы, в которых выражаются присущие индивиду жизненные порывы, объективировались и институализировались в строго фиксированных догмах, религия лишилась источника развития. Отсюда – противостояние рождающихся сегодня не-институализированных религиозных движений традиционной «объективированной» религии, которая уже более не способна выразить глубинные стремления человеческой природы. Разложение традиционных форм религиозной жизни идет в русле гибели соответствующих культурных форм. По существу, новые формы религиозности ставят под сомнение основу религии – веру в потусторонние силы. Разрушая веками складывавшиеся религиозные формы и с ними нормативные структуры совместного существования, «жизнь» не дала взамен новой формы, отсюда – аномия, разрушение традиционных этических норм, засилье ритуальной эротики, черной магии и сатанизма.

Зиммель не оценивает традиционную религию саму по себе как предпочтительную по сравнению с новой религиозностью. Дело не в том, что старая религия была «полезна» или «вредна». Дело в том, что после разрушения традиционной религиозной идеи современная общественная жизнь не сумела

родить новой идеи, а потому основой человеческого общежития стали деньги.

И, тем не менее, все потоки жизни и бытия скрещиваются в человеке. В нем жизнь движется «изнутри вовне», то есть превращается в творчество «субъективной культуры». В точке пересечения центробежного и центростремительного потоков жизни рождается культура. Она есть форма жизни, которая позволяет ей «пробудиться», приобщиться к духу, проявить то, что находится в «дремлющем состоянии».

Плодотворность социологического подхода к анализу творчества великих художников Зиммель продемонстрировал, рассмотрев творчество Родена, Микеланджело и Рембрандта. Величие художника зависит от его способности соединить воедино стиль, форму и идею. Творчество Родена выразило принцип гераклитизма, с его повышенной динамичностью, характерной для социальной жизни начала XX века. Творчество Микеланджело воплотило дух противоречивости между телесным и духовным началом в человеке. Рембрандт сумел схватить и выразить в своем творчестве переход от классического принципа формы к более углубленному отношению к миру и жизни.

Однако в новых условиях роста потребления продукты культуры приобретают безличный отчужденный характер, подавляется индивидуальное «Я», человеческая свобода ограничивается. Объективированная культура становится тормозом на пути саморазвития и самореализации жизни. Отсюда следовал вывод, что борьба против культуры будет продолжена в более грандиозных масштабах.

Однозначной оценки выдающегося мыслителя – а таким, несомненно, является Зиммель – быть не может. Но честный исследователь согласится, что выработанные Георгом Зиммелем теоретико-методологические принципы исследования социокультурных процессов сегодня востребованы и продолжают стимулировать социологическое воображение.

Список использованной литературы:

1. Ионин Л.Г. Социология Георга Зиммеля // История социологии в Западной Европе и США. М.: Наука, 1993.
2. Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Культурология. XX век: Антология. М.: Юрист, 1995.